

А.А. Завойкин

**ПЕРИОДИЗАЦИЯ ОСВОЕНИЯ ГРЕКАМИ ТАМАНСКОГО П-ОВА
В VI-V ВВ. ДО Н.Э.
(соотношение письменных и археологических источников)***

Вопрос о том, что информационные возможности археологических источников по самой их природе неограничены, ставился неоднократно¹. В особенности это касается исследования тех областей жизни, которые непосредственно не связаны с материальной деятельностью. Критики упрощенных «чисто археологических» интерпретаций, справедливо упрекая своих оппонентов в «примитивизме», в действительности нередко подменяют понятия: тот факт, что отрывочные материальные свидетельства не могут быть интерпретированы вполне однозначно, вовсе не означает того, что серьезный анализ больших массивов археологических источников различных групп и категорий не позволяет приблизиться к пониманию процессов, даже напрямую не связанных с материальной сферой.

Спору нет, индивидуальное творчество людей прошлого зачастую ускользает от нашего познания, если оно не выражено в материале, сохраняющемся в веках. Вряд ли мы имели хотя бы смутное представление, например, о творчестве Аристофана, если бы до наших дней не сохранились тексты его комедий. Но изобразительное искусство древних мастеров (скульпторов, вазописцев, торевтов и т.п.) вполне доступно для изучения, а в своем историческом развитии оно может быть понято и на уровне отдельной творческой индивидуальности. Если же речь идет о масштабных исторических процессах, то и представить себе трудно, чтобы они не нашли хотя бы косвенного отражения в разнообразных памятниках, сохранившихся в культурном слое. Здесь, скорее, проблема состоит в том, что имеющийся на сегодняшний день инструментарий археологической науки оказывается слишком грубым для решения некоторых вопросов.

Так, даже вполне приемлемая (а часто – желанная) абсолютная датировка в пределах 10–25 лет не дает возможности с необходимой точностью установить конкретный исторический контекст события. В

* Работа выполнена в рамках проекта «Античный Боспор и археология: историко-культурные реконструкции на археологическом материале» (РГНФ, 10-01-00161а).

¹ Напр., см.: *Снодграсс А.М.* История Греции в свете археологии // ВДИ. 1992. № 2. С. 32–40.

этот интервал (считая по максимуму) укладывается жизнь целого поколения! Но помимо более или менее обоснованных привязок к астрономическому времени (обычно – через довольно длинный ряд хронологически сопряженных фактов) в распоряжении археолога имеются и реперы относительной хронологической шкалы (определяемые стратиграфически или типологически), на которой, в принципе, фиксируются последовательности фактов, разделенных и сколь угодно большими, и сколь угодно малыми временными интервалами. А, следовательно, мы имеем в принципе возможность с большой долей вероятности достоверно определить последовательность изучаемых фактов и процессов. И это играет решающую роль для их понимания.

Переходя непосредственно к теме статьи, должен подчеркнуть, что синхронных интересующему нас периоду письменных источников (литературных или эпиграфических) по истории освоения греками земель к востоку от Киммерийского Боспора нет². Имеются лишь обрывки сравнительно поздней литературной традиции, кратко характеризующие ктисмы отдельных восточно-боспорских колоний: Гермонассы (Dion. Per. 541–553; Arr. Byth. Fr. 55Roos = Eust. Comm. ad Dion. Per. 549), Фанагории (Ps.-Scymn. Per. 886–887), Кеп (Ps.-Scymn. Per. 899; Ps.-Arr. PPE. 74). К этому можно добавить упоминание Гекатеем Милетским в конце VI – начале V в. до н.э. Патрея (Fr. 198 = St. Byz. s.v. Πάτραυς)³, которое (наряду с предположительным присутствием города в списке выплат фороса в Афинский морской союз в 425/4 г.; МИС 1, стк. 209), дает некоторое основание и этот населенный пункт относить к числу апойкий, возникших в ходе Великой греческой колонизации. Этот перечень, вероятно, может быть расширен за счет Киммериды (отмеченной в том же перечне выплат (МИС 1, стк. 207; ср.: Ps.-Scymn. Per. 896–898 и Strabo. XI. 2, 5), Ахиллея (выходец из которого был погребен в некрополе Гермонассы в V–IV в. до н.э. и назван в эпитафии по имени отчего города: КБН 1059)⁴ и Корокондамы⁵. Вот тот перечень гражданских общин, которые возникли на Таманском полуострове во второй и начале третьей четверти VI в. до н.э.

Учитывая характер и сохранность источников, нет и не может быть полной уверенности в том, что перечень этот исчерпывающий. Во всяком случае, некоторые из поселений, основанных еще во второй четверти VI в. до н.э., в принципе могли возникнуть как самостоя-

² Нумизматические памятники, исключая сравнительно позднюю (не ранее конца V в. до н.э.) и весьма непродолжительную чеканку Фанагории, пока могут быть привлечены лишь в порядке дискуссии (так называемые «синдская» и «аполлонийская» чеканки) и поэтому оставлены за рамками нашего исследования.

³ См.: Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья I: Πάτρους, Πάτραυς, Πατραεύς // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986.

⁴ Ни та, ни другой – не локализованы (Завойкин А.А. Проблема локализации Киммериды // ДГ за 1996–1997 гг. М., 1999. С. 220–236).

⁵ Корокондама дала свое наименование совр. Таманскому заливу, а древнейшие погребения её некрополя датируются колонизационным периодом.

тельные апойкии, а не в процессе так называемой внутренней колонизации региона греками. На сегодняшний день известно три таких поселения – Береговой 4, Голубицкая 2 и Ахтанизовская 4. Их местоположение, во всяком случае, двух последних, не дает каких-либо оснований для того, чтобы уверенно связать их с каким-либо известным центром колонизации⁶. Хотя, следует признать, что не имеется никаких других причин (кроме хронологии и локализации) для того, чтобы считать их греческими апойкиями. Для окончательного суждения имеющихся данных, пожалуй, недостаточно.

Допуская в принципе вероятность, что некоторые возникшие здесь апойкии не смогли укрепиться и со временем утратили изначальный полисный статус или вовсе прекратили свое существование, мы не можем исключить и некоторой вероятности того, что и на финальном этапе колонизации Азиатского Боспора, одновременно с теосской Фанагорией, появились и другие, неизвестные нам, апойкии. Исключив из перечня поселений, появившихся во второй и третьей четвертях VI в. до н.э. (всего около двух – трех десятков), те, что по своему местоположению (в первую очередь – удаленности от моря или в районе высоких обрывистых морских берегов), на наш взгляд, не могут претендовать на полисный статус, получаем, как минимум, еще три пункта, «подходящие» для того, чтобы претендовать на статус апойкий (Волна Революции 1–2, Тамань 3, Стрелка 2 или одно из близко расположенных синхронных поселений)⁷. Но и в этом случае (и даже в большей степени, чем для ранее названных поселений) мы остаемся сугубо в области догадок.

В любом случае третья четверть VI в. до н.э. (вероятно, вторая половина 540-х годов) является гранью, отделяющей первую (колонизационную) фазу освоения элинами земель Таманского п-ова. На этот же отрезок времени приходится и появление первых сельских поселений (за пределами основанных ранее колоний). Разумеется, освоение хоры в разных центрах шло неравномерно, как с точки зрения хронологии (т.е. первые сельские поселения на землях одних полисов могли появиться синхронно выведению позднейших колоний, таких, как Фанагория), так и с точки зрения пространственной (по удаленности от центра и по количеству сельских поселений). И сами размеры сельских округ недавно основанных полисов были различными и зависели как от демографического потенциала⁸, так и от природных особенностей (естественные границы микрорегионов, плодородные земли,

⁶ Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д., Поротов А.В. Новые данные о колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конф. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 122–128; Журавлев Д.В., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н.э. // *Symbola. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. М.; Киев, 2010. С. 70–71.

⁷ См.: Завойкин А.А., Гарбузов Г.П. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. Т. 14 (в печати).

⁸ Здесь мы можем лишь отметить специфику данного показателя в Фанагории, основанной «отпочковавшейся» частью гражданского коллектива Теоса.

обеспеченность пресной водой и проч.). Так или иначе, несмотря на значительные земельные ресурсы региона, вероятно, уже на этой стадии (если не раньше) актуальным был вопрос об определении границ между соседними государствами.

Сколь остро он стоял и каким образом решался – конкретно сказать не возможно. Сакральные памятники (святилища) этого периода, – которые часто маркировали границы полисов (как, например, в Ольвии)⁹, – на Азиатском Боспоре нам остаются почти неизвестными¹⁰. Видимо, древнейшим из них, весьма вероятно, относящимся еще к колонизационной фазе – было святилище Афродиты Апатуры, к сожалению, однозначно не локализовано (предположительно располагалось на берегу залива, получившего название Апатур, согласно Гекатею Милетскому (Fr. 165) = St. Byz. s.v.)¹¹. По небезосновательному суждению С.Р. Тохтасьева, оно находилось на южном берегу Таманского залива, в интервале между Гермонассой и Фанагорией¹². В

⁹ См.: *Буцких С.Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архайки к эллинизму // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. XV. Запоріжжя, 2009. С. 225–227; *Буцких С.Б., Буцких А.В.* К хронологии архайческих поселений Нижнего Побужья // БК. 2009. С. 58–59.

¹⁰ Потенциально на эту роль могло бы претендовать святилище Артемиды Агротеры на горе Бориса и Глеба (КБН 1014, 1015; см.: *Герц К.К.* Археологическая топография Таманского полуострова. СПб., 1898. С. 153–156), однако, древности интересующего нас времени здесь не известны. До недавнего времени с конца VI в. до н.э. датировалось святилище к югу от Фанагории, на г. Майской, в котором почитались Деметра, Кора, Афродита, Артемида (см.: *Марченко И.Д.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 87; она же. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории // 50 лет ГМИИ им. Пушкина. М., 1962. С. 132). Новый анализ находок из святилища приводит исследователей к выводу, что возникновение этого комплекса следует датировать не раньше середины V в. до н.э. (*Егорова Т.В., Ильина Т.А., Кутинова Т.М.* К вопросу о датировании культового комплекса на Майской горе // ДБ. 2008. Т. 12/1. С. 270). Концом VI в. до н.э. может быть датировано начало функционирования «пригородного» святилища Деметры и Коры около южной окраины поселения Береговой 4/Северный (*Завойкин А.А., Сударев Н.И.* Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999–2004 г. // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия М., 2009. С. 174–189).

¹¹ См.: *Тохтасьев С.Р.* Апатур: история боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. 1986. № 2. С. 138–145, с литературой; ср.: *Кошеленко Г.А.* Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // ДБ. 1999. Т. 2. С. 147–149. Следует согласиться с мнением Г.А. Кошеленко, что свидетельство Страбона (*Strabo*. XI. 2. 10) сохранило местный вариант колонизационного мифа (храмового предания). Мнение же о том, что Апатур располагался непосредственно на хоре Фанагории, нельзя считать доказанным, хотя, вероятно, в Фанагории, в самом городе или близ его южной окраины на г. Майской, имелась филиация знаменитого святилища (Ἀπάτουρον, τό τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν ἐν Φαναγορία, – FrHistGr. I, No. 165 [St. Byz. s.v.]).

¹² По мнению исследователя (Указ. соч. С. 140), «конкретно около города Гермонассы», поскольку в тексте Страбона (XI. 2. 10) оно, как и Апатур, располагалось на противоположном, относительно Фанагории и Кеп, берегу устья

третьей четверти VI в. до н.э. здесь известно только одно поселение, едва затронутое раскопками В.Д. Блаватского, – Тамань 3 («Седьмой километр»), расположенное как бы в «буферной зоне» между двумя известными полисами.

Вторая фаза первого периода (с последней четверти VI века – до примерно 470-х годов до н.э.) характеризуется бурным развитием сложившейся ранее системы расселения¹³: в конце VI и первые два десятилетия V в. до н.э. число сельских поселений примерно удваивается (достигая ок. 64/69), в следующие лет десять/двадцать увеличивается еще на треть (ок. 79/85 памятников сельской округи). Этот процесс наиболее интенсивно протекал на территории к югу и юго-западу от Фанагории, на плодородных землях в центре и на севере Фонталовского п-ова, а также на территории, примыкавшей с запада к лиману Цокур, в то время, как в ряде других районов Таманского п-ва почти (или вовсе) не наблюдается прироста поселений. В основном это относится к территориям в восточной его части, примыкающим к акваториям Ахтанизовского и Кизилташского лиманов (где земли столь же плодородны, как и в северной части п-ова¹⁴), вдоль черноморского побережья, а также в юго-западной части Фонталовского п-ова, примыкающей к проливу.

Другая примечательная черта этого временного интервала – появление ряда некрополей далеко за пределами городов, например, у поселений Артющенко 2, Тамань 1/Пятиколодезное¹⁵, Волна 2/м. Панагия¹⁶, Тамань 6/Суворовское¹⁷, у пос. Пересыпь (так наз.

Гипаниса, в Синдике. Примечательно, что именно в этом районе (с «эпицентром» в Фанагории) найдена подавляющая часть свинцовых тессер, вероятно, связанных с отправлением неких культовых действий (см.: *Финогенова С.И.* Новые находки тессер на Таманском полуострове // ДБ. 2007. Т. 11. С. 462 сл.; *Строкин В.А.* Свинцовая terra incognita // БФ. 2009. С. 378–380; *он же.* Монеты с поселения Голубицкая 2 // ДБ. 2010. Т. 14 (в печати).

¹³ См.: *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2. С. 75–76; *Паромов Я.М.* Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.) // ДБ. 2006. Т. 10. С. 372, 376 («хронологические этапы»: третий – ок. 520–480 гг. = 71 поселение, четвертый – ок. 480–450 гг. = 91 поселение); *он же.* Введение в археологию Таманского полуострова // EIKON Beiträg zur antiken Bildersprache. Bd. 9. Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres. Münster, 2009. S. 73 (соотв.: 68 и 86 поселений, считая города).

¹⁴ *Гарбузов Г.П.* Районирование античных агроландшафтов Таманского полуострова // ДБ. Т. 13. С. 124. Рис. 1.

¹⁵ *Блаватский В.Д.* Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 121–123.

¹⁶ Некрополь между м. Туза и м. Панагия (бывший хут. Кротенко). В.В. Шкорпилом было исследовано 42 могилы VI–II вв. до н.э. (*Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 58–71; *Коровина А.К.* Некрополь около мыса Панагии // АИБ. 1962. Т. 2. С. 301–314). По мнению Н.И. Сударева (Погребальные памятники грунтовых некрополей боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Дисс. канд. ист. наук. М., 2004. Л. 30), В.Д. Блаватский

«Тирамба»), Береговой 4¹⁸, и т.д. Представляется, что изучение этого феномена, характеризующего, по справедливому суждению С.Б. Буйских¹⁹, стационарное проживание части населения полисов за пределами городских стен, чрезвычайно важно для понимания структуры землепользования, выделения её элементов, имевших более высокий статус, чем «рядовые» поселения, обитатели которых (возможно, проживавшие в них сезонно, в страдную пору) продолжали хоронить умерших в отчих могилах городских некрополей. Помимо двух последних упомянутых некрополей, по-своему специфичных, отметим определенную концентрацию подобных памятников на хоре к югу и юго-востоку от Гермонассы. Однако как-либо интерпретировать это предварительное наблюдение не представляется пока возможным.

Еще одна характеристика памятников сельской территории данного хронологического интервала (как и последующего за ним) – повсеместное распространение на них, начиная с конца VI – первой четверти V в. до н.э., серебряных монет. Точные привязки и количественные оценки массы случайных находок, хранящихся в частных коллекциях, разумеется, невозможны. Однако выборка материалов (оказавшихся доступными благодаря усердию В.А. Строкина²⁰), дополненная документированными находками из раскопок, как мне кажется, может дать приблизительное представление о тенденциях развития товарно-денежных отношений и, может быть, выявить некоторые пункты, отличающиеся особенно значительным числом находок²¹. Монеты этого

ошибочно отождествил этот некрополь с некрополем поселения Тамань 1/Пятиколодезное.

¹⁷ С V в. до н.э. (*Блаватский В.Д.* Четвертый год раскопок в Синдикее... С. 118). Не исключено – это часть восточного некрополя Гермонассы.

¹⁸ Нельзя, конечно, исключить возможности, что при поселениях, возникновение которых датируется более ранним временем, имеются и соответствующей древности погребальные памятники, но пока не удалось обнаружить ни одного такого комплекса. Но в то же время, например, и в Патрее пока не открыто ни одного погребения предшествующего периода. Это «дает шанс» Береговому 4 рассматриваться в том же историческом контексте, что и Патрей.

¹⁹ *Буйских С.Б.* Хора колониального полиса в Нижнем Побужье... С. 229.

²⁰ Собранные им сведения в настоящее время готовятся к публикации. Я искренне признателен истинному любителю и глубокому знатоку древностей родного края за проделанную им кропотливую работу по сбору информации, а также за разрешение сослаться на неё.

²¹ Не может быть сомнений в том, что имеющиеся в нашем распоряжении данные в очень большой степени зависят от целого комплекса обстоятельств, далеких от исторической реальности, т.е. случайных факторов (это характер и сохранность культурного слоя, задернованность или распаханность поверхности памятника, отсутствие современной застройки или, наоборот, и т.д.). Однако статистический анализ данных показывает, что все эти обстоятельства имеют следствием не столько «случайное» увеличение численности монетных находок на памятниках, сколько (или чаще) – её уменьшение. Иными словами, «случайные» пики числа находок возможны и вероятны, но «проваль» все же более вероятны. Например, практически все данные о

времени фиксируются примерно на половине памятников, а рост их числа даже несколько опережает рост численности самих сельских поселений. К рубежу второй четверти V века резко выделяются среди прочих количественными показателями поселения Тамань 3 (абсолютный лидер), Волна Революции 1 и Вышестеблевская 11²².

Сравнительно точное соответствие отмеченный процесс находит в характеристиках относительных объемов импортной продукции, перевозимой в амфорной таре²³. Согласно расчетам А.П. Абрамова (произведенным на материалах Патрея), ввоз амфор из Средиземноморья ко второй четверти V в. до н.э. возрастает: в 1,65 раза между 520–500 гг., затем (500–480 гг.) почти на столько же снижается²⁴, но в 480–465 годах увеличивается примерно в 1,2 раза (после чего начинается спад импорта)²⁵.

На середину V в. до н.э. приходится довольно резко выраженный перелом в жизни восточно-боспорских греков – начинается новый (второй) период их истории на новой родине. Вопреки мнению исследователей, что на всю вторую половину V в. до н.э. приходится стабилизация («при сохранении тенденции роста») в развитии сельских территорий античных городов Таманского п-ова (общая численность поселений, по их расчету, сохраняется примерно на прежнем уровне)²⁶, статистический анализ амфорных находок на памятниках, ис-

находках ранних боспорских монет в городах, исследуемых раскопками, не выходят за пределы средних статистических по сельским поселениям, а некоторые из них – даже уступают, хотя очевидно, что именно города были реальными центрами торговли. И вместе с тем, случайные флуктуации, прослеженные на массовом материале, отражают общие закономерности в его распределении.

²² Помимо них еще ряд поселений имеют показатель несколько выше среднего. В этот перечень, кстати, не входят Гермонасса, Кепы и Патрей, а Фанагория попадает в список «первого порядка» только благодаря находке клада 2006 г. (*Кузнецов В.Д.* Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 2009. С. 194).

²³ *Абрамов А.П.* Амфоры VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье (классификация и периодизация). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2009. С. 19; *он же.* Динамика торговых связей Патрея во второй половине 6–5 вв. до н.э. по материалам керамической тары // ДБ. 2010. Т. 14 (в печати).

²⁴ Не исключено, что это «падение» обусловлено не совсем корректным в методическом плане выделением данного «четвертого этапа» на основании дифференциации хиосских амфор одного варианта на две хронологические группы, к которым сложно (или даже невозможно) уверенно привязать амфоры большинства других центров производства. Источниковую базу для такой дифференциации составил комплекс последней четверти VI в. до н.э. из Патрея (*Абрамов А.П.* Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея // ДБ. 2006. Т. 9. С. 11–35).

²⁵ Примечательно, что темпы прироста импорта в целом согласуются с аналогичным показателем численности сельских поселений, что вполне логично.

²⁶ *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Указ. соч. С. 77–78; *Паромов Я.М.* Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.)... С. 381.

следованных раскопками, демонстрирует если и не гибель поселений на хоре (статистически – до 40%), то, во всяком случае, интенсивный спад поступления на них амфорной продукции. И это (с учетом того, что в амфорах ввозились продукты первой для греков необходимости) позволяет всерьез ставить вопрос о том, что в целом сельскохозяйственная отрасль в регионе переживает кризис (если не сказать – глубокий упадок)²⁷.

Интересную информацию дают и нумизматические находки с сельских памятников. Статистический анализ доступных для изучения материалов однозначно свидетельствует о том, что в интервале ок. 475–440²⁸/425 гг. до н.э. происходит довольно резкий (в несколько раз) спад как общего количества фиксируемых на сельских памятниках монет, так и числа самих поселений, на которых монеты этого отрезка времени найдены.

Отражением событий, связанных с отмеченным процессом, является и хронологическое распределение амфорных комплексов (складов) на различных поселениях как Азиатского, так и Европейского Боспора²⁹. На ряде исследованных раскопками памятников Таманского п-ва (как городских, так и сельских), обнаруживаются «невостребованные» склады амфор, датированных 470-ми годами до н.э. С учетом связанных с этими комплексами археологических контекстов, часто характеризуемых фортификационным строительством, пожарами и находками предметов вооружения, а также динамики изменения процентной доли погребенных с оружием в боспорских некрополях, можно с большой степенью уверенности говорить о том, что начало нового периода истории Боспора отмечено военными конфликтами, по всей видимости, с внешними врагами³⁰.

²⁷ Подробно см.: *Гарбузов Г.П., Завойкин А.А.* О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э. // ДБ. 2010. Т. 14 (в печати).

²⁸ «Верхняя» хронологическая привязка к смене династий в Пантикапее (438/37 г. до н.э.), предложенная В.Л. Строкиным, конечно, условна. В мою задачу не входит её обсуждение, поскольку механическая подвижка даты типов (*Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 29–31, 33–41, 48–50: в интервалах ок. 450–438 – 433–423 – 423–413 гг.; ср.: *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 211, 212: 2-я и 3-я четв. V в. до н.э.; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора середины VI–V в. до н.э. // РА. 1996. № 2. С. 50, 59–60, 65–67: 2-я и 3-я четв. V в. до н.э.) существа вопроса не меняет.

²⁹ *Завойкин А.А.* Амфорный склад № 2906 и некоторые проблемы истории ранней Фанагории // ПИФК. 2010. №. 1. С. 377–392.

³⁰ Трудно допустить, что оба берега Киммерийского Боспора оказались охвачены межгреческими распрями. Ср., однако: *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI–IV вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 35 и след.; *он же.* Греко-персидский конфликт в конце VI – начале V в. до н.э. и процесс формирования государственной системы Боспора // БК. 2005. С. 212–213. Впрочем, автор не исключает и вероятности того, что в некоторых случаях фиксируемые на памятниках разрушения могут быть связаны с нападениями «отдельных скифских орд», однако основной акцент делает на кризисе грече-

О продолжительности отмеченного кризиса говорить сложно. Все группы археологических источников, фиксирующих спад в развитии системы освоения греками земель Таманского п-ова, демонстрируют сравнительно небольшой подъем в последней четверти V в. до н.э. Так, например, по расчетам А.П. Абрамова³¹, в последней трети столетия объем импорта, по сравнению с предыдущим этапом (450–430 гг., когда объем сократился почти вдвое), вырос более чем на половину. По его хронологии подъем, собственно, приходится примерно на 430–412 гг., а после – сохраняется на достигнутом уровне.

Несколько отличается картина распределения монетных находок. Если «нижняя» отметка спада была достигнута в интервале ок. 475–440 гг. до н.э., то в следующий отрезок времени (ок. 440–410 гг.) наблюдается интенсивный подъем как общего количества находок на памятниках, так и число таковых (последний показатель даже несколько превышает уровень первой четверти V в. до н.э.), после чего намечается ощутимый (примерно в полтора раза) спад. Эта хронологическая «вилка» двух разных категорий датированных материалов, при совпадении самих тенденций развития региона, на мой взгляд, обнажает очень важную методическую проблему, решение которой выходит за границы настоящей работы, но в определенной мере это решение может быть связано с особенностями самих источников (доступных исследованию выборок, адекватностью хронологических схем и т.п.).

Итак, наблюдения над массовыми археологическими источниками с момента основания первых греческих апоек и до конца V в. до н.э., на исходе которого и на рубеже со следующим столетием полисы Таманского п-ва были включены в состав формирующегося Боспорского государства Спартокидов, позволяют выделить два периода в истории восточнобоспорского эллинизма.

Первый из них характеризуется интенсивным поступательным развитием, связанным с освоением греками плодородных земель региона. Этот период, по основному содержанию протекавших в это время процессов, может быть подразделен на две фазы: первая – 570-е – 540-е годы до н.э. – выведение и становление на Азиатском Боспоре колоний (в основном из ионийских городов, затронутых сначала войнами с Лидией, а затем – с Персией)³²; вторая – ок. 540-х – 480/475 гг. до н.э. – последовательное и интенсивное освоение земель полуострова, основание десятков сельских поселений на хорах основанных ранее полисов. Нельзя отвергнуть (как невозможно и подтвердить источниками) вы-

ского общества (конфликты между апойками и эпойками, формирование территориальных режимов, столкновения между полисами в ходе внутренней колонизации земель).

³¹ Абрамов А.П. Амфоры VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье... С. 20.

³² Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // ОАИБ. М., 1992. С. 23; ср.: Яйленко В.П. Архаическая Греция // АГ. 1983. Т. 1. С. 138, 140; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Там же. С. 370.

сказанное исследователями³³ предположение, что на заключительном отрезке этой фазы рост числа сельских поселений мог стимулироваться притоком населения извне (например, из Ионии после подавления антиперсидского восстания в 494 г.). Менее вероятным представляется мнение, согласно которому процесс освоения сельских округ греческих городов изначально³⁴ подпитывался притоком местного варварского населения³⁵.

Второй период начинается с событий катастрофического характера примерно в 470-х годах до н.э. На целом ряде городских и сельских памятников отмечаются следы военных конфликтов, наблюдается максимальный рост доли погребенных с оружием в некрополях Азиатского Боспора. Вероятно, следствием этих событий становится значительный спад в развитии сельскохозяйственной отрасли региона, выразившийся в сокращении объемов поступающего как в города, так и на сельские поселения импорта товаров, привозимых в амфорах из Средиземноморья (а возможно, и некоторое, точно не исчислимое, сокращение численности сельских поселений), а также в сравнительно кратковременном упадке товарно-денежных отношений. Снижение достигнутых ранее показателей отмеченных характеристик прослеживается в середине – третьей четверти V в. до н.э. (примерно до 430-х годов), после чего намечается некоторая тенденция к росту (по монетам – значительному, примерно до последней декады столетия, когда происходит повторный спад). Вполне возможно, что и данный период следует разделять на две фазы, но пока, пожалуй, археологические источники не позволяют это сделать с необходимой точностью.

Разделение истории восточнобоспорского эллинизма на два периода заставляет решать вопрос о том, что могло быть причиной, обусловившей разделяющую их грань? Если мы исходим из того, что в состав державы Спартокидов полисы Таманского п-ова вошли где-то около рубежа V и IV столетий, то, тем самым, исключаем из рассмотрения всяческие спекулятивные рассуждения о возможном влиянии на интересующий нас регион смены политического режима (480/79 г. до н.э.) или династий (438/7 г. до н.э.) в Пантикапее, о которых известно из свидетельства Диодора Сицилийского (XII. 31. 1). Практически исключая из рассмотрения и вероятность внешней для Боспора причины, обусловившей спад спроса на продукты сельскохозяйственного производства (зерно) из Причерноморья³⁶, мы должны, по-видимому, искать причины интересующих нас событий в изменениях

³³ Абрамов А.П., Паромов Я.М. Указ. соч. С. 75–76.

³⁴ Паромов Я.М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н.э.)... С. 368: суждение о «добровольной трудовой кооперации» колонистов и местных варваров, привлеченных более высоким уровнем жизни греков (ср.: Яйленко В.П. Архаическая Греция... С. 152).

³⁵ Об этом см.: Завойкин А.А. О «больших» и «малых» боспорских городах // ДБ. 2009. Т. 13. С. 194–195. Примеч. 50.

³⁶ См.: Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. О состоянии хоры центров Азиатского Боспора... в печати.

характера взаимоотношений боспорского эллинизма с окружающими его варварами.

С этим тезисом в принципе согласны практически все исследователи³⁷. Однако конкретные причины происходящего в это время на двух противоположных берегах Киммерийского Боспора оцениваются различно. Большинство склоняется к мнению, что перемещения новых орд кочевых скифов («царских») в конце VI – начале V в. до н.э. приводит к дестабилизации всего Северопричерноморского региона. Другие допускают мысль, что, несмотря на синхронность и сходство событий в Восточном Крыму и на Таманском п-ове, учитывая ряд существенных различий в характеристике развития сельских территорий и доли погребенных с оружием в некрополях городов этих двух разделенных значительной водной преградой³⁸ территорий, на Азиатском Боспоре не исключено влияние на ситуацию местного варварства (исключительное или наряду со скифским – не столь существенно)³⁹. В любом случае стоит внимательнее присмотреться к ближайшим соседям восточно-боспорских греков.

Вплоть до IV в. до н.э., когда некоторые меотские племена (синды, тореты, дандарии, псессы *etc.*) были подчинены власти Спартокидов, мы не располагаем письменными источниками, характеризующими взаимоотношения греков и варваров в Западном Прикубанье. Однако в нашем распоряжении имеются данные о проникновении греческого импорта в этот регион. К сожалению, поступление «импортов» на территорию меотов слабо дифференцируется по времени⁴⁰. Твердо можно сказать лишь то, что сколько-нибудь массовое проникновение товаров к прикубанским варварам начинается с конца VI в. до н.э. По оценке А.А. Мальшева⁴¹, во второй половине V в. до н.э. по сравнению с предшествующим периодом объем импорта возрастает. Характерно, что он явно тяготеет к элитным погребальным комплексам

³⁷ Например, см.: Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–25 и след.; Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский (Глава V) // Греки и варвары Северного Причерноморья в Скифскую эпоху. СПб., 2005. С. 236–241.

³⁸ Может, не столь существенной для самих греков, сколько для варваров, которые могли переправиться на противоположный берег по льду разве что в особенно суровые зимы (*Hdt.* IV. 28).

³⁹ Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть I // ДБ. 2006. Т. 9. С. 130–132; *они же*. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. 2006. Т. 10. С. 278.

⁴⁰ Мальшев А.А. Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III вв. до н.э. // ДБ. 2000. Т. 3. С. 104 и сл., 123. Рис. 1; Улитин В.В. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары). Автореф. дисс... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 11–13.

⁴¹ Мальшев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 107. Рис. 1, 9.

Нижнего и Среднего Прикубанья. Преобладают предметы роскоши⁴², что, наряду с панафинейскими амфорами в Елизаветинских и Уляпских курганах и монументальностью погребальных сооружений, «по образу и подобию боспорских»⁴³, позволяет говорить не только о росте богатства и могущества местной знати, социальной стратификации меотских племен вследствие торговых контактов с греками⁴⁴, но и предполагать дипломатические дары боспорцев племенной знати ради умиротворения воинственных меотов⁴⁵.

Хронология проникновения импорта в «хинтерланд» говорит в пользу того, что с момента основания греческих колоний должно было пройти определенное время для того, чтобы варвары «почувствовали вкус» к благам греческой цивилизации, первоначально доступным только представителям племенной верхушки. Претендовать на эти блага окрестные варвары могли, налаживая торговые связи или же апеллируя к праву сильного. Нарушая самоизоляцию варварского общества, греки, тем самым, рисковали «пожать бурю».

Особую роль во взаимоотношениях с варварами Прикубанья играла контактная зона в районе Семибратнего городища, расположенного близ естественной восточной границы Таманского п-ова. В середине V в. до н.э. рядом с городищем появляются⁴⁶ огромные курганы синдских царей, насыщенные драгоценными предметами греческой торевтики⁴⁷. Благодаря посвящению Левкона I 370–360-х годов до н.э.⁴⁸ мы узнаем, что этот город (πόλις) назывался Лабрис, и в нем находился храм Аполлона. Лабрис называют «столицей» синдов, поскольку в нем располагалась резиденция синдских царей. Некоторые ис-

⁴² Примечательно, что доля (%) амфор в остальном импорте в этот период в 4 раза ниже, чем в первой половине IV в. до н.э.; в количественном отношении в эти периоды амфоры соотносятся как 1:22,5.

⁴³ Мальшев А.А. Боспор и Прикубанье... С. 107 со ссылкой: Ростовец М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 320–324, 351–363.

⁴⁴ Отсутствие монетных находок говорит о полном преобладании натуральных форм обмена вплоть до середины IV в. до н.э.

⁴⁵ Скржинская М.В. Граждане Боспора и Ольвии на Панафинейских празднествах // VI Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. М., 1999. С. 103.

⁴⁶ Курганы № 2 и 4. Курганы № 5 относится к «середине – третьей четверти» V в. до н.э. Остальные курганы («младшей группы») датируются: концом V – началом IV в. до н.э. (№ 1); первым десятилетием IV в. до н.э. (№ 6); первой четвертью IV в. до н.э. (№ 3 и 7).

⁴⁷ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 213–219; Бутягин А.М. Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции. Труды тематической научной конференции СПб., 1996; Власова Е.В. Семибратние курганы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2001; она же. Семибратние курганы. Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005.

⁴⁸ Тохтасьев С.Р. К чтению и интерпретации посвячительной надписи Левкона I с Семибратнего городища // *Hesperoheus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2; она же. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3.

следователи считают, что Лабрис первоначально представлял собой *эмпорий* на территории туземного поселения, не имевший политического статуса⁴⁹. В пользу этой гипотезы говорит хронология памятника (отсутствие амфор и расписной керамики ранее конца VI – начала V вв. до н.э.)⁵⁰, с одной стороны, мощность и насыщенность его слоев античными материалами – с другой.

Оставляя в стороне комплекс проблем, связанных с археологией синдгов (во многом еще остающийся фантомом), акцентируем внимание на хронологических вехах. Своеобразный комплекс Семибратнего городища и «царских» курганов формируется почти одновременно с пиками в освоении греками сельской территории Азиатского Боспора, объема импорта товаров из Греции (в амфорах) и, наконец, числа погребений с оружием, а скорее – в начальной стадии резкого спада этих показателей в середине V в. до н.э. Таким образом, здесь мы, весьма вероятно, наблюдаем складывание новой своеобразной модели взаимоотношений местной варварской элиты и боспорских греков: стремление первых реализовать свое военно-политическое превосходство над греческими полисами Таманского полуострова и Синдской Гаванью, вынуждая подносить дипломатические дары, а затем – поставив под свой непосредственный контроль⁵¹ узловой пункт прикубанской торговли (эмпорий на Семибратнем городище), а с другой стороны, – стремление греков сохранить *status quo*, «наращивая вооружение» и одновременно предпринимая дипломатические усилия и развивая торговые отношения с варварами. Аналогичные схемы взаимоотношений, по всей видимости, складываются и на Европейском Боспоре между скифами и Нимфейским полисом, хотя, не исключено, здесь скифское воинство в первую очередь должно было защищать город от соседних греков Пантикапея, во главе которого в 480/79 г. до н.э. встали тираны из рода Археанактидов (Diod. XII. 31. 1).

⁴⁹ А.С. Русяева предполагает, что Лабрис могли основать боспорские греки на синдской территории под эгидой Феба Аполлона (Русяева А.С. Феб Аполлон на Боспоре // Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. С. 225–228). Очевидно, что автор гипотезы исходит из представления о едином боспорском государстве с 480/79 г. до н.э., поскольку допустить мысль о том, что один из полисов Азиатского Боспора выводит колонию за границы Таманского п-ова довольно сложно. В.А. Горончаровский (Лабрис (Семибратнее городище): итоги исследований 2001–2008 гг. // *Symbola*. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. М.; Киев, 2010. С. 52) тоже видит в основании Лабриса и возведении оборонительных стен свидетельство «... одной из первых акций созданной тогда для отражения скифской опасности симмахии, включавшей в число своих союзников синдгов».

⁵⁰ Горончаровский В.А. Лабрис... С. 52 и сл.; Вдовиченко И.И. Расписная керамика Семибратнего городища // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском V–III вв. до н.э. СПб., 2006. С. 32.

⁵¹ Этот контроль, вероятно, предполагал не только взимание «пошлин» в пользу варварских царей, но и охрану эмпория и торговых путей от других варваров.

Закономерен вопрос: так ли уж жестко взаимообусловлены отмеченные синхронные факторы, тем более, что их синхронизация базируется исключительно на датировке археологических материалов? Разумеется, при отсутствии прямых письменных свидетельств, освещающих взаимоотношения греков и варваров в регионе в V в. до н.э., это не более, чем предположение. Не исключено, что со временем, когда хронологический инструментарий археологии станет более совершенным, окажется возможным разделить сопоставляемые между собой как бы синхронные события и предложить более обоснованную модель, объясняющую спад в освоении греками Азиатского Боспора в середине V в. до н.э. Но, очевидно, это будущее не настанет, если уже сейчас не пытаться сопоставлять между собой факты.

Итак, сравнительный анализ различных археологических материалов показывает, что к середине V в. до н.э. потенциал поступательного развития полисов Азиатского Боспора был практически исчерпан, встретив нарастающее противодействие со стороны местных меотских племен. Если во второй половине, ближе к концу VI в. до н.э. набеги варваров, видимо, имели эпизодический характер (Кепы, Патрей, возможно, Фанагория)⁵², то в первой половине следующего столетия (параллельно тому, как варварская верхушка приобретает вкус к благам эллинской цивилизации) давление на греков становится более ощутимым.

Стагнация или даже временный упадок Азиатского Боспора был прерван вмешательством «третьей» силы. В конце V в. до н.э. пантикапейский тиран Сатир I переправляется с войсками через пролив и силой подчиняет полисы Таманского полуострова. Известно, что тиран устанавливает тесные дипломатические и междинастические отношения с царем синдов Гекатеем (Polyaen. *Strateg.* VIII. 55). И хотя, как мы знаем, правитель Боспора потерпел в этом неудачу, и меоты во главе с Тиргатао, прежней женой Гекатея, даже провели разрушительный поход по азиатским владениям Сатира, его потомкам удалось заключить мир с меотами (при помощи традиционных в таких случаях даров). Несколько позднее, под предлогом вмешательства в династическую распрю синдского царя и его наследника, Левкон I захватил и саму Синдику, после чего настало время и для других варварских племен, царскую власть над которыми он, со временем, горделиво провозгласил в своей пышной титулатуре.

Но это уже принципиально новый этап и во взаимоотношениях варваров и греков Боспора, и в освоении последними земель: объединенные под главенством монархической власти, греки сумели не только отстоять независимость (хотя уже не в рамках классического

⁵² Кузнецов В.Д. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // ОАИБ. М., 1992. С. 29, 42; Абрамов А.П. Комплекс амфор последней четверти VI в. до н.э. из Патрея... С. 11–35; Кузнецов В.Д. Фанагория в архаическое... С. 193–194; Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам «Верхнего города» 2004–2008 гг.) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 2009. С. 129.

полиса), но и установить свое господство над племенами Нижнего Прикубанья. Наступал период наивысшего расцвета Боспора, иначе освещенный письменными источниками. Для нашей же темы важнее в заключение отметить сам факт того, что, включив в состав своей державы центры Азиатского Боспора, Спартокиды унаследовали и военно-политическую проблему взаимоотношений с окрестными варварами. И решали они её, опираясь на другой военный и экономический потенциал. Однако эта проблема уже существовала *раньше* того момента, когда силы боспорских правителей позволили им поставить вопрос не только о сохранении собственных (греческих) владений, но и о подчинении своей власти части меотских племен.

A.A. Zavoykin

**THE PERIODIZATION OF DEVELOPMENT OF TAMAN PENINSULA
BY GREEKS (VI-V B.C.)
(the correlation of written and archeological sources)**

Deficiency of written sources on most ancient history of the Bosphorus induces involving for reconstruction a archeological material which reflects scale historical processes. The analysis of development of Taman Peninsula by Greeks in VI-V B.C. results in a conclusion about division of this time interval into two periods.

The first is characterized by the intensive forward development connected to development by Greeks of the fertile grounds of region. This period can be subdivided into two phases: 1) 570–540th B.C. (foundation and evolution colonies on the Asian Bosphorus; 2) 540–480/475 B.C. (consecutive and intensive land development of peninsula, the basis of many tens rural settlements on choruses based before policies).

The second period begins approximately in 470th years B.C. events of catastrophic character: on a lot of monuments (city and rural) traces of military conflicts, the maximal growth of a share of burial places with the weapon in necropolises are marked. Probably, consequence (investigation) of these events becomes recession in development of agricultural branch of the region, expressed in reduction of volumes acting in cities and on rural settlements of import of the goods (and it is possible, and numbers of settlements), in decline of commodity-money relations.

If in second half, is closer by the end VI B.C. attacks of barbarians, probably, had incidental character in first half of next century pressure upon Greeks becomes more appreciable. Temporary decline of the Asian Bosphorus was interrupted by intervention of the «third» force: in end V B.C. the tyrant Satires I is forwarded with armies through a passage and force subordinates policies of Taman Peninsula. Incorporated under domination of monarchic authority, Greeks not only have defended independence, but also have established the domination above tribes of Lower Kuban.